

Содержание

Введение	9
Глава 1. Красная Москва	27
Глава 2. Дворец	60
Глава 3. Война	113
Глава 4. Москва плановая	154
Глава 5. Москва теневая	211
Глава 6. Высотники	255
Глава 7. Вид сверху	313
Глава 8. Десталинизация и борьба с “излишествами” ...	346
Эпилог	389
<i>Благодарности</i>	395
<i>Сокращения</i>	399
<i>Библиография</i>	401
<i>Примечания</i>	423

Посвящается Евгению

Введение

В 1947 году советские архитекторы и инженеры приступили к осуществлению проекта, целью которого было возвести в Москве восемь небоскребов и тем самым преобразить облик столицы СССР. В 1950-е годы семь из задуманных монументальных зданий были достроены, и там разместились элитные жилые комплексы, роскошные гостиницы, главное здание Московского государственного университета, Министерство путей сообщения и Министерство иностранных дел. Однако в 1947 году о функции московских небоскребов думали далеко не в первую очередь: главной считалась та общая роль, которую эти сооружения должны были играть в городском пейзаже. Они замышлялись как памятники победе СССР в Великой Отечественной войне, как символы советских культурных достижений и как свидетельство того, что в послевоенную эпоху СССР превратился в мировую сверхдержаву. Высотки проектировались с конкретной целью: превратить Москву в столичный город мирового уровня — такой, чтобы, по словам Сталина, это была “всем столицам — столица”¹. Монументальный по своему размаху, проект строительства московских небоскребов имел далеко идущие последствия и для характера застройки советской столицы, и для судеб ее жителей.

Настоящая книга посвящена монументальному строительству и его значению. Это история предпринятых в сталинскую эпоху попыток превратить Москву из периферий-

ного города, из запущенной бывшей столицы России в главный и образцовый социалистический город. В 1930-е годы советские чиновники и ведущие архитекторы приступили к работе над масштабными строительными проектами в Москве, к числу которых относились канал Москва — Волга и первые линии московского метро. В 1930-е годы началась и подготовка к строительству Дворца Советов. Если бы это огромное сооружение было возведено таким, каким планировалось, оно стало бы самым высоким зданием в мире. Если в межвоенный период москвичи радовались строительству подземных дворцов — станций метро, — то увидеть, как в городском пространстве поднимаются высокие башни, им довелось только после войны.

Этот проект строительства московских небоскребов опирался на работу, начатую в межвоенные годы, и был дополнен еще более амбициозным планом. В разработанной в 1947 году концепции нового облика столицы еще не построенный Дворец Советов оказывался в центре целого ансамбля небоскребов, раскинувшегося по всей Москве. Всего высоток планировалось возвести девять, считая сам дворец в центре. И хотя в итоге были построены только семь из проектировавшихся зданий, можно считать, что желанный эффект был достигнут. Здания разнесены на значительные расстояния, и их разрозненные вершины, глядящие друг на друга поверх растилающегося внизу города, как бы поднимают городской ландшафт. Эти многоярусные декоративные сооружения помогают объединить городское пространство, создать впечатление целостности и повторения похожих элементов вдоль линии горизонта. Московские небоскребы и сегодня продолжают восприниматься как важнейшие образцы архитектуры сталинской эпохи. По-английски их собирательно называют *seven sisters* — “семь сестер”. По-русски они — сталинские высотки. Сообща они составляли — и составляют — Москву монументальную.

В монументальной архитектуре нет ничего нового. Многие из тех, кто изучает это явление, хорошо знакомы с историей Древнего мира. Как объясняет археолог Брюс Триггер, архитектурное сооружение можно считать монументальным, когда его масштаб заметно превосходит возложенные на него практические задачи². Согласно этому определению, монументальным здание делает его избыточная величина независимо от того, жилое оно или общественное. Это не значит, что монументальность лишена функциональности. Такие строения не просто вмещают предметы и дают укрытие людям — они еще несут смысл и сохраняют память. В разные исторические эпохи монументальная архитектура — от дворцов до храмов и гробниц — выполняла особую задачу: прославляла связь человека со святынями и возвещала о праве правителя на власть. Сооружение монументальных зданий обычно служит официальной цели, так как оно связано с желанием продемонстрировать силу или адресовать миру некое послание. В разные исторические эпохи монументальные сооружения оказывались востребованы во многих обществах, обретая формы пирамиды или зиккурата, готического собора или небоскреба. Не стал исключением и Советский Союз.

Если обратиться к XX веку, то общество, сложившееся в Советском Союзе при Сталине, оказалось в авангарде поклонников монументальной архитектуры. В Москве 1930-х годов вопрос архитектурной монументальности встал в полный рост, когда родился замысел Дворца Советов. Проект здания-символа подтолкнул к размышлениям об этом не только архитекторов и инженеров, но и обычных советских граждан. Каково назначение монументальных построек в пролетарском государстве? Какие символы и ценности они призваны нести? Пусть Дворец Советов задумывался как памятник конкретному человеку — Ленину, в то же время это сооружение должно было спланировать людей. Как заметил Анри Лефевр, рассуждая о долгой мировой истории монументального строительства,

“в монументальном пространстве каждый член общества обретал образ своей социальной принадлежности, свой социальный облик; оно служило коллективным зеркалом, более «правдивым», чем зеркало индивидуальное”³. Именно такой и была цель: каждый советский гражданин мог взглянуть на Дворец Советов и увидеть самого себя.

Но Дворец Советов так и не был построен. Зато в 1947 году в Москве началась работа над восемью другими зданиями. Семь из них были в итоге достроены. На протяжении всего периода сталинского правления Дворец Советов оставался важным зрительным образом, материальное воплощение обрело лишь его “потомство” — кольцо высоток. Хотя историков обычно интересуют идеализированные представления об этих культовых московских зданиях, наша книга посвящена тому, что происходило в последние годы сталинского режима, когда монументальные планы встретились с действительностью. Московские небоскребы изменили течение политической, общественной и культурной жизни советской столицы — начиная с переселения жителей и заканчивая падением архитектурной и политической элиты. Служа особыми зеркалами, глядя в которые каждый человек мог понять свое место в коллективе (если вспомнить слова Лефевра), разным людям московские высотки показывали разные отражения. Цель настоящей книги — выяснить, что же видели в этих зданиях-зеркалах различные группы людей — от архитекторов до рабочих и жильцов.

На возведение монументальных зданий в Москве были брошены колоссальные усилия и ресурсы, что повлекло некоторые последствия, объяснявшиеся спецификой сталинской эпохи: усилился интернационализм, облик Москвы изменился так, что советская столица оказалась связана с дореволюционным прошлым России. Вначале тяга к монументальности заставила московских архитекторов обратиться к мировому

опыту, шагнув через границы социалистического государства. В 1930-е годы, работая над проектом Дворца Советов, московские архитекторы ездили за рубеж в поисках технических данных и опыта, которые позволили бы им строить еще более высокие здания. В 1934 году архитектор Дворца Советов Борис Иофан вместе с группой коллег отправился в командировку в США и посетил там ряд крупных строительных площадок. Во время поездки Иофан и его команда наняли нью-йоркскую инженерную фирму, чтобы та помогала им в строительстве Дворца Советов в Москве. На Манхэттене советские архитекторы осмотрели стройплощадку Рокфеллеровского центра; там же, в Нью-Йорке, наладили длительные связи с представителями американской строительной отрасли. В послевоенные годы, когда мечта о Дворце Советов померкла и фокус внимания сместился на возведение восьми других небоскребов, отношения между советским интернационализмом и монументализмом изменились. Московские послевоенные высотки, в отличие от так и не построенного Дворца Советов, превратили советский монументализм из соцреалистических проектов в реальные здания, появление которых повлекло за собой долговременные последствия.

Московские небоскребы, возведенные в первые годы холодной войны, свидетельствовали о том, что теперь Советский Союз желал предъявить миру свой новый образ. Времена, когда советские архитекторы ездили в поисках помощников за границу (и уж тем более в Америку), остались в прошлом. Теперь, напротив, архитекторы из расширявшегося социалистического лагеря съезжались в Москву для изучения новых столичных зданий. В превращении небоскреба — этой визитной карточки победившего капитализма — в символ коммунизма ощущалась какая-то свежая ирония. А идея превосходства СССР, которую советские архитекторы стремились передать своими зданиями, не смогла преодолеть границ социалистических государств. Тем не менее московские небоскребы сыграли важную роль в изменении динамики советского интернационализма. Изучая 1930-е годы через 1950-е, мы прослеживаем в настоя-

щей книге длительную подготовку к ждановщине — ксенофобской и антизападной идеологической кампании, задававшей тон в послевоенной культуре СССР.

В книге мы покажем, что монументализм сталинской эпохи обрел гораздо более масштабные последствия, чем изначально задумывали архитекторы. Они отразились не только на облике советской столицы и на жизни ее обитателей. Московские небоскребы олицетворяли стабильность и долговечность сталинского правления после победы в Великой Отечественной войне. Однако в повседневной жизни столицы эти здания стали дестабилизирующими элементами — они выросли только для того, чтобы обозначить новые трещины в самом советском обществе позднесталинской поры.

В 1952 году Г. И. Карташов написал письмо Лаврентию Берии, руководившему (до ареста в 1953 году) строительством восьми московских высоток. Карташов работал на стройке дома у Красных Ворот. “В строительстве этого здания я принимал участие, — писал он, — и все время лелеял мечту о том, что мне, может быть, посчастливится на склоне лет пожить в этом доме”⁴. Карташов мечтал вырваться из сырой комнаты в московской коммуналке, где жил вместе с семьей. Сталинское монументальное строительство не оправдало, да и не могло оправдать его надежд, как и надежд многих других людей. Государство выделяло квартиры в жилых небоскребах представителям элиты, а остальным советским гражданам оставалось о таком лишь мечтать.

Появление высоток в послевоенной Москве не только разочаровало москвичей вроде Карташова, но и огорчило другую многочисленную группу: речь о десятках тысяч горожан, принудительно переселенных на окраины. Монументальное строительство вызвало расползание Москвы вширь, а попутно закрепило и сделало еще более заметной иерархию позднесталинского общества. Осуществление масштабного проекта требовало привлечения многочисленной рабочей силы: в столицу из глубинки стали свозить рабочих — как вольнонаемных, так и заключенных. Чтобы возведение небоскребов стало возмож-

ным, руководству строек пришлось вначале спешно строить жилье и создавать инфраструктуру для переселенных москвичей и приезжих рабочих. Прослеживая, как проект строительства небоскребов приводил к расширению Москвы до лесистых пригородов, до окрестных сел и колхозов, покажем, что замысел построить в Москве небоскребы в итоге обернулся гораздо более масштабными и разносторонними изменениями, чем представлялось архитекторам изначально.

Наконец, в работе мы докажем, что московские небоскребы привязали сталинскую эпоху к прошлому России, причем эти связи одновременно и укрепляли, и подрывали притязания Советского государства на легитимность. Новые монументальные сооружения, в облике которых просматривается стилистический намек на башни московского Кремля, гармонично вписались в уже существовавший городской пейзаж. Но в то же время эти сооружения стали свидетелями противоборства между революцией и историей.

О строительстве высотных зданий было объявлено в сентябре 1947 года, когда широко отмечалось 800-летие Москвы, причем эти торжества грозили затмить приближавшееся празднование 30-летия Октябрьской революции. В преддверии нового городского праздника и местные власти, и сами москвичи всячески пытались нащупать связь между долгим дореволюционным прошлым и сравнительно коротким советским настоящим. В ходе первых обсуждений проекта небоскребов, состоявшихся осенью 1947 года, перед московскими архитекторами стояла та же задача. Какое именно прошлое должны представлять московские высотки, на какое наследие опираться? На этот трудный вопрос не было четкого ответа.

Когда же пришло время расчищать пространство и приступать к строительству, руководство проекта столкнулось с прошлым еще и в самом буквальном смысле. В 1949 году, углубляя котлован для здания в Зарядье, рабочие откопали остатки поселения, которое существовало на этом месте более восьми веков назад. Под снятыми наслоениями земли лежали глиняные сосуды, стеклянные браслеты и прочие материальные сви-